

В. А. Маслова

**СОВРЕМЕННАЯ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ: ПРОБЛЕМЫ
ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ С КОГНИТИВНОЙ ЛИНГВИСТИКОЙ**

Анализируются языковые факты, в которых переплетены культурные знания, являющиеся объектом исследования лингвокультурологии, и когнитивные знания о мире. В статье показан крен лингвокультурологии к когнитивистике. Это актуальные проблемы взаимодействия лингвокультурологии и когнитивной лингвистики.

Ключевые слова: лингвокультурология, когнитивная лингвистика, картина мира, образ мира.

Статья посвящается доктору филологических наук, профессору Марии Иосифовне Конюшкевич, известному белорусскому лингвисту, внесшему значительный вклад в развитие синтаксиса, как системно-структурного, так и функционального, а также в развитие белорусской медиалингвистики. Особо нужно выделить поистине подвижническую деятельность Марии Иосифовны – организацию и проведение Карских чтений – международного научного форума, который стал брендом Гродненского университета. Здоровья Вам, дорогая Мария Иосифовна, и сил для новых свершений, новых книг.

Цель данной статьи – установить, в пределах какого горизонта мы смотрим на проблемы взаимодействия языка, культуры, человека, его сознания и знания о мире, ибо, как утверждал Сервантес, «всякая высота открывает новые горизонты».

Язык, как известно, является главным инструментом не только в коммуникации, но и в познании. Отсюда возникновение когнитивной лингвистики, цель которой – познать не только окружающий, но и вымышленный мир, а также внутренний мир человека, определить границы наших знаний и установить, насколько достоверно или недостоверно данное знание.

В последнее время значительно вырос интерес к изучению сознания. При этом все чаще пишут о том, что реально исследовать можно только языковое сознание, т. е. вербализуемую часть сознания [1; 2 и др.]. Более того, активно разрабатываемая сейчас лингвокультурология тоже приходит к выводу, что невозможно исследовать фундаментальные вопросы взаимодействия феноменов языка и культуры без обращения к человеку и его языковому сознанию.

Было установлено, что соединение знака со смыслом задает ту основу, на которой создается элементарная единица знания, а из этих единиц

формируется языковое сознание и строятся наши знания о мире, наша картина мира, отображенная в языке. Для данных единиц знания ученые используют различные термины – лингвокультуремы (В. В. Воробьев), культуремы (В. Г. Гак), логоэпистемы (В. Г. Костомаров, Е. М. Верещагин), информемы (В. В. Морковкин), концепт (Ю. С. Степанов) и др.

Сейчас лингвокультурология имеет очень большое поле проблем для исследований. Это уже не просто проблемы взаимодействия языка и культуры, а 1) исследование языковой картины мира; 2) концептуализация одного и того же фрагмента мира в разных лингвокультурах; 3) выдвижение на первый план специальных терминов – «концепт» и «языковое сознание», «языковая личность» и их активное исследование; 4) изучение функционирования концептов в языке с учетом лингвокогнитивных аспектов; 5) концептосфера художественного дискурса; 6) концептосфера научного дискурса – составление словарей лингвокультурологических терминов. Как видим, это разные когнитивные области гуманитарного знания, т. е. современная лингво-культурология реализует интегральный подход к языку.

Решение названных проблем привело к накоплению большого количества информации как теоретического, так и прикладного характера, которая позволяет говорить о сформированности нескольких направлений: теоретической (общей) лингвокультурологии (В. В. Воробьев, В. Н. Телия, В. И. Карасик, В. В. Красных, В. А. Маслова и др.), философской лингвокультурологии (Ю. С. Степанов, А. В. Кравченко и др.), сравнительно-сопоставительной лингвокультурологии (Ж. Ж. Капенова, З. К. Темиргазина и др.), прикладной лингвокультурологии – лексикографической и методической (В. М. Шаклеин, В. В. Воробьев, В. П. Синячкин), аксиологической лингвокультурологии (З. К. Темиргазина), лингвокультурологии поликультурного пространства (У. М. Бахтиреева), экспериментальной лингвокультурологии (В. П. Синячкин), синергетической лингвокультурологии.

Общей чертой названных направлений и проблем в рамках современной лингвокультурологии является крен в когнитивистику. Попробуем разобраться, насколько это необходимо лингвокультурологии, или же это просто мода на когнитивные исследования.

Мы живем в мире собственных ментальных схем, поэтому все лингвокультурные реалии являются в то же время лингвоментальными, т. е. существуют в единстве их языковых и культурных содержаний и рассматриваются сквозь призму когнитивного анализа их формирования и функционирования, т. е. учитываются особенности сознания человека.

И лингвокультурология, и когнитивная лингвистика должны установить, как именно человек воспринимает и закрепляет в языковых концептах и понятиях мир, как из них формирует образ мира русского человека. Ответы на данные вопросы даст новая теория категоризации, активно разрабатываемая сейчас лингвокультурологией и когнитивной лингвистикой. Каждый язык, сквозь призму которого его носитель вбирает в себя культуру и миропонимание, по-своему членит мир, т. е. имеет свой способ его концептуализации. Отсюда заключаем, что каждый язык имеет в некоторой степени особую картину мира, и языковая личность строит высказывание в соответствии с этой картиной. Например, высказывание *Ему больше не больно*, в котором наречие *больше*, имеющее качественное значение, вдруг начинает обозначать время – ‘после того, что произошло, он не чувствует боли’. Даже в близкой к русской белорусской лингвокультуре используется наречие с временным значением – *цяпер*. Таких примеров гораздо больше, чем кажется на первый взгляд: *уйти в себя, выйти из себя, прийти в себя* – казалось бы, одно и то же возвратное местоимение *себя* и глагол движения *идти*, но они обозначают разные состояния языковой личности. Как объяснить, что ответ на вопрос *Водку пить будешь?* – ***А то нет!*** – означает согласие при полном отрицании, а еще здесь завуалированный вопрос и эксплицитное восклицание. Еще пример: *На какой стадии твоя диссертация?* – *На стадии отчаяния*. Здесь к общеупотребительному значению ‘ступень в развития чего-либо’ добавляется неожиданная оценка эмоционального состояния. Такие смыслы в разных вариациях широко распространены в русской языковой картине мира. Вероятно, это возможно потому, что русское слово как раз так функционирует, обогащаясь, – через семантическое включение и транспозиции. В европейских языках, например, французском, часто теряется автономия слова в пользу синтагмы. Поэтому А. Вежицкая называла многие русские высказывания «неправильными». Видимо, поэтому концепты русской лингвокультуры как фиксаторы смыслов все время поддаются дальнейшему уточнению и модификациям. Совершенно справедливо М. И. Конюшкович утверждала, что «неутомимость и неутомимость нашего разума в процессе категоризации мира проявляется во всех подсистемах языка, в том числе и в подсистеме служебных слов, в частности, предлога, который, образуя синтаксему, является ее формантом (разумеется, вместе с флексией зависимого существительного)» [3, с. 5].

Для нас особый интерес представляет синергетическая лингвокультурология, в которой на первый план выдвигается креативное измерение

языка и культуры, поскольку язык не только описывает готовый мир, но и по-своему творит его. Итак, лингвокультурологию можно рассматривать с позиций синергетики, потому что современная лингвокультурология – наука комплексная, т. к. предполагает объединение не только языка, культуры, но и человека и его сознания. А мировосприятие теснейшим образом связано с миропознанием, которым и занимается когнитивная лингвистика. Такое объединение по сути трех-четырех систем знаний должны обогатить друг друга, дать целостное восприятие мира и человека через язык с помощью сознания. И это закономерно, потому что ни одна из названных систем знания не самодостаточна и, согласно теореме Курта Геделя о неполноте, рано или поздно не сможет развиваться без привлечения методов и результатов другой. Поэтому синергетическое мировидение обладает большим междисциплинарным и прикладным потенциалом. Если бы мы хорошо читали и верили своим национальным гениям, то пришли бы к такому заключению раньше Лакоффа и Джонсона. Так, В. И. Вернадский еще в прошлом веке сказал, что настала пора исследовать мир по проблемам, а не по наукам.

Язык, равно как и культура с ее традициями и обычаями, управляет поведением человека. Каждый язык, сквозь призму которого его носитель вбирает в себя культуру и миропонимание, имеет свой способ его концептуализации. Например, с точки зрения лингвокультурологии, есть относительно простые и сложные оппозиции, при исследовании которых необходим синергетический подход. Такова оппозиция «значение – смысл». Смысл в синергетике рассматривается «как возникновение нового качества системы, или, иначе говоря, как самопорождение смысла» [4, с. 34]. Поэтому одна и та же языковая единица, помещенная в разные контексты (системы), может получить самые различные смыслы, которые порождаются, с одной стороны, контекстами, а с другой – культурной семантикой самих этих единиц. Так, фразеологизм *души не чаять* в значении ‘очень сильно, безгранично любить’, это как бы эталон любви, ее предел. Но из опыта мы знаем, что безграничная любовь делает человека уязвимым, зависимым от того, какая душа у объекта любви (ср. этимологическую связь между *чаять* и *чуять*). Казалось бы, контекст может навести и придать фразеологизму и отрицательную, и положительную оценку. Но, как справедливо отмечает М. Л. Ковшова, эта оценочность не зависит от контекста, т. к. сам контекст «обусловлен культурной семантикой фразеологизма» [2, с. 132]. Примером могут служить также пословицы и поговорки, афоризмы с амбивалентными смыслами: *Народная мудрость гласит: после выхода на пенсию в доме*

можно свистеть сколько угодно. Здесь зашифровано народное русское поверье: свистеть в доме нельзя, т. к. не будет денег. Помогает понять данное предложение и социальный опыт выживания на небольшую пенсию. Следовательно, необходимо придавать особое значение взаимодействию языка, социального опыта и культуры. В этих случаях порождается пространство новых диффузных смыслов, которые усложняют понимание языковой единицы и создают более глубокое ее видение, что и формирует в результате пространство культуры.

Единицы языка, к примеру фразеологизмы, как бы навязывают своим носителям особое видение мира, ситуации, хранят старый уклад жизни, обряды и верования. Например, сведения о быте русского народа (*красный угол, печки-лавочки*), об этикетном поведении (*садиться не в свои сани, как пить дать, несолоно хлебавши, ломать шапку*), о традициях и обычаях (*из полы в полу, вывести на чистую воду*) и т. д.

Языковая картина мира каждого народа отображает не только современную ментальность нации, но и включает в себя фольклорные, мифологические, архетипические элементы. Именно здесь хранятся те прескрипции, установки и ценности, руководствуясь которыми человек становится национально-ориентированной личностью. При функционировании моно разграничить даже очень близкие в научной классификации объекты, например, *ноги* и *колени* как точки опоры человека: во фразеологических единицах *встать на ноги* – «обрести самостоятельность, независимость» и *встать на колени* – «выражать свою покорность» – колени, как часть ног, противопоставлены ногам, так как в составе фразеологизма **колени** приобретают квазисимвольное значение ‘вид недопустимой опоры’, в отличие от значения **ноги** – ‘вид необходимой опоры’ (см. об этом в работах В. Н. Телия).

Язык культуры, служащий для выражения смыслов, – это символы, эталоны, стереотипы и т. д. Тогда сама культура – это пространство культурных смыслов, ценностей, вырабатываемых человеком и процессе миропонимания, и кодов, называющих эти культурные смыслы. Без привлечения культурных знаний многие тексты остались бы непонятными. Например: *Среднестатистический студент – это Змей Горыныч, но наоборот – голова одна, а хвоста три.* Наиболее яркие тексты культуры – фразеологизмы, пословицы, поговорки, тосты, анекдоты – хранят и транслируют нам запечатленные в них установки и ценности народа. Что дает для лингвокультурологии привлечение данных когнитивной лингвистики?

Язык хранит многие важные для человека знания, которые в обществе утрачены либо упрощены из-за узко позитивистского воззрения на мир. Слово – барометр правильности нашей жизни. Слова меняются под влиянием наших воззрений на мир. Так, *кураж*, заимствованное из французского языка, использовалось в русской лингвокультуре только с негативной коннотацией – *пьяный кураж* – и по значению приближалось к *разгулу*. Теперь оно все чаще используется в позитивном смысле – как *состояние подъема* (ранее такое допускалось только в специальном языке – у циркачей). Следовательно, слово не только формирует наше сознание, но и само набирает глубину или мельчает в зависимости от нашего понимания мира, явлений, вещей в нем. Через продолжительную литературную традицию оно может становиться экспрессивным, поражать богатейшими нюансами смысла, но при этом оно может потерять свою вселенскую, божественную высоту. Это такие общечеловеческие ценности, как *душа, вера, надежда, любовь, грех, спасение, милосердие, благодать, совесть, честь, долг, смирение* и др. См. об этом подробнее в [5].

Таким образом, наше миропонимание в значительной степени находится в плену у языковой картины мира. А при анализе языковых фактов нужно учитывать не только внутриязыковой контекст (правила текстообразования), но и языковую ситуацию, формирующуюся каждый раз заново с учетом опыта, фоновых знаний, пресуппозиций и ассерций, о чем писал еще Л. Витгенштейн при создании теории языковой игры. При этом узуально закрепленные коммуникативные возможности слова расширяются в неожиданную сторону. Например: *Вы же совсем не попадаете в ноты!* – *Так я и не целюсь*. Фраза *Только промахнувшись, понимаешь, как ты попал* делается понятной только с учетом знания целого ряда ситуаций и с привлечением опыта языковой личности. Семантика глагола *попасть* претерпевает изменения вплоть до семантической метаморфозы из-за разнообразия ассоциативных связей, которые возникают обычно на значимые явления мира.

Я его плохо знаю с хорошей стороны – игра антиномичными связями, выявляющими коммуникативный потенциал слова. Как правило, в таких случаях активно используется потенциальная ситуативная и культурная семантика.

Под влиянием новых знаний изменилась не только лингвокультурология, но и когнитивная лингвистика, в которой ранее языковое знание понималось как довольно самостоятельный модуль ментальности человека. Теперь, оказывается, что многое зависит от языковой личности

(и говорящего, и слушающего), в сознании обнаруживается много непонятного и необъяснимого с позиции когнитологии. *И нечего раньше времени (раньше какого времени?) огород городить.* Ложная поверхностная семантика усиливает очевидность глубинных знаний.

Еще пример из поэтического текста, т. к. поэзия обладает суггестивной силой, ей противопоставлена однозначность понимания и интерпретации, в ней есть намек на нечто необычное, тайное, загадочное, гипнотизирует читателя игрой – глубинной игрой смыслов, возникающих при сближении казалось бы несочетаемых слов в стихотворении. О. Мандельштам «Может быть, это точка безумия»:

*Может быть, это точка безумия,
Может быть, это совесть твоя –
Узел жизни, в котором мы узнаны
И развязаны для бытия.
Так соборы кристаллов сверхжизненных
Добросовестный свет-паучок,
Распуская на ребра, их сызнова
Собирает в единый пучок.
Чистых линий пучки благодарные,
Направляемы тихим лучом,
Соберутся, сойдутся когда-нибудь,
Словно гости с открытым челом... (15 марта 1937).*

О. Мандельштам вводит нас в мир особого состояния: кристаллы (от греч. «лёд») – это твердые вещества, имеющие первородную форму многогранников. В русской лингвокультуре это символ чистоты, упорядоченности. Кристаллы пространственно одинаковы, но имеют разные расстояния между частицами, образующими узлы решётки. Эти узлы поэт называет *узлы жизни*, вероятно, по ассоциации со свойствами атомов в узлах быть связанными попарно. Кристалл обладает первородной чистотой, отсюда *соборы кристаллов сверхжизненных*, но здесь на первый план выходят иные смыслы – совесть, будучи узлом жизни, подобна *сверхжизненному кристаллу*, т. е. в кристалле высвечивается еще и нравственная сущность.

Что же прибавила современная лингвокультурология к уже существующим знаниям о языке и культуре?

Посмотрим на проблему со стороны существования природы и человека в ней. Это важнейший параметр при сопоставлении культур. Собранный нами материал позволил подтвердить выдвинутую филосо-

фами (А. А.Брудным и другими) гипотезу: отношение людей к природе есть превращенная форма их отношения друг к другу. С точки зрения синергетического подхода, жизнь общества и жизнь природы едины. Н. Бердяев писал, что русское мироощущение ближе к «духам природы», оно не сковано цивилизацией, более свободно в выборе средств и способов своего выражения. У французов, например, природное начало слабее, т. к. они имеют более древнюю культуру.

Поэтому многочисленные исследования зоонимов, фитонимов в ономастике, казалось бы, безнадежно устарели, а лингвокультурология позволяет посмотреть на них с иной стороны – с позиций процесса концептуализации культуры.

Дело в том, что язык не просто называет то, что есть в культуре, не просто выражает и формирует культуру, как бы прорастая в нее, но и сам развивается в культуре, порождая новые неожиданные метафоры, строящие **русскую картину мира**: *скатерть-самобранка, блюдечко с голубой каемочкой; жареный петух – русская птица счастья; перешагнуть грабли – русская удача*. Как видим, язык – это не просто набор форм, но и своеобразная классификационная система, выделяющая и организующая элементы опыта.

Есть еще несколько актуальных проблем, решить которые может лингвокультурология. Одна из них – понять то, как именно человек воспринимает и закрепляет в языковых концептах мир, как из них формируется языковая картина мира. Ответы на данные вопросы даст новая теория категоризации, активно разрабатываемая сейчас лингвокультурологией, которая уже сегодня готова дать список важнейших (ключевых) концептов лингвокультуры, составляющих концептосферу человека, его образ мира. Подобное исследование создается в Беларуси для установления образа мира белоруса [6].

Культура многогранна, даже голографична. Она поворачивается к исследователям разными сторонами, поэтому носитель каждой культуры видит свое в одном и том же явлении мира. Это разные смысловые слои, они диффузны, не имеют чётких границ, постоянно проникают один в другой. Поэтому концепты как интерпретаторы смыслов все время поддаются дальнейшему уточнению и модификациям. Они представляют собой реализуемые сущности только в начале своего появления, но затем, оказываясь частью системы, попадают под влияние других концептов и сами видоизменяются. Все это фиксирует и исследует лингвокультурология.

Список литературы

1. Тарасов, Е. Ф. Языковое сознание – перспективы исследования / Е. Ф. Тарасов // Языковое сознание: содержание и функционирование : XIII междунар. симп. по психолингвистике и теории коммуникации : тез. докл., Москва, 1–3 июня 2000 г. / под ред. Е. Ф. Тарасова. – М. : ИЯ РАН, 2000. – С. 3–4.
2. Ковшова, М. Л. Лингвокультурологический метод во фразеологии. Коды культуры / М. Л. Ковшова. – М. : УРСС, 2012. – 341 с.
3. Конюшкевич, М. И. Отношения в мире – отношения в языке (о двух векторах субъектной доминанции) // Язык и социум : материалы IX междунар. науч. конф., 3–4 дек. 2010 г. : в 3 ч. Ч. 1 / редкол.: Л. Ф. Гербик (отв. ред.). – Минск : БГУ, 2011. – С. 5–11.
4. Хакен, Г. Синергетика / Г. Хакен. – М. : Мир, 1980. – 406 с.
5. Иванов, Е. Е. Наследие Библии в языках и культурах народов России и Белоруссии / Е. Е. Иванов, В. А. Маслова, В. М. Мокиенко. – М. : РУДН, 2022. – 404 с.
6. Півавэр, К. С. Беларуская ментальнасць у моўнай прасторы мастацкага тэксту : манаграфія / К. С. Півавэр. – Віцебск : ВДУ імя П. М. Машэрава, 2015. – 155 с.

Maslova Valentina
Vitebsk State University named after P. M. Masherov
e-mail: mvavit@tut.by

MODERN LINGUOCULTUROLOGY:
PROBLEMS OF INTERACTION WITH COGNITIVE LINGUISTICS

The article is devoted to the analysis of linguistic facts in which cultural knowledge, which is the object of research in linguoculturology, and cognitive knowledge about the world are intertwined. The article shows the direction of linguoculturology towards cognitive science. These are current problems of interaction between linguoculturology and cognitive linguistics.

Keywords: linguoculturology, cognitive linguistics, picture of the world, image of the world.

УДК 811.161'42:398.3(=161)

В. И. Коваль

**ЛЮБОВНЫЕ ПРИСУШКИ У ВОСТОЧНЫХ СЛАВЯН:
ВЕРБАЛЬНАЯ И АКЦИОНАЛЬНАЯ МАГИЯ**

Рассматриваются восточнославянские присушки – магические приемы, имеющие целью вызвать чувство любви у какого-то конкретного лица. В качестве источников используются работы по этнографии, мифологии и этнолингвистике XIX – нач. XX вв. Обращается внимание на выражение словесной формулы присушки-интенции, выражающей намерение субъекта «зарядить» объект заговора или за-